

ISSN: 1814-6961 (print)
ISSN: 2788-9718 (online)

Отан тарихы

Отечественная история

History of the Homeland

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2025. № 28 (3)

РЕДАКЦИЯ

Бас редактор

Қабылдинов Зиябек Ермұханұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас директоры (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Редакциялық алқа

Әбіл Еркін Аманжолұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан Республикасы, Астана қ.)

Абдырахманов Толобек Әбілұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясының корреспондент-мүшесі (Қырғыз Республикасы, Бішкек)

Апендиев Тимур Әкімханұлы – PhD докторы, доцент, жетекші ғылыми қызметкер, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Горшенина Светлана Михайловна – PhD, тарих ғылымдарының кандидаты; CNRS Eur'Orbem, UMR 8224, CNRS/ Sorbonne университетінің зерттеу бөлімінің директоры (Франция, Париж)

Исмағұлов Оразақ Исмағұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Қазақстан Республикасы Ұлттық музейінің физикалық антропология зертханасының меңгерушісі (Қазақстан Республикасы, Астана қ.)

Шиндзи Като – PhD (археология бойынша), Нарадағы мәдени құндылықтардың ұлттық ғылыми-зерттеу институты (Жапония, Нара)

Бирсель Каракоч – Уппсала университетінің түркі тілдерінің профессоры (Швеция, Уппсала қ.)

Мионг Сун-ок – антропология ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор (Корея, Сеул)

Қозыбаева Махаббат Маликовна – PhD доктор; Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Алаш» мәдениет және рухани даму институтының жетекші ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Астана қаласы)

Моррисон Александр – PhD, NewCollege профессоры, Оксфорд (Ұлыбритания, Оксфорд)

Мотузаите-Матузевичюте Гидре – археология ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс университетінің «Биоархеология» ғылыми орталығының жетекшісі (Литва, Вильнюс)

Муминов Әшірбек Құрбанұлы – тарих ғылымдарының докторы, арабтанушы, профессор; ИКҰ (Орталық Азия) ұйымдастыру қызметінің бас директорының кеңесшісі (Түркия, Стамбул)

Нұрсан Әлімбай – тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш.Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Отенова Гүлфира Елубайқызы – тарих ғылымдарының докторы, Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университетінің профессоры (Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.)

Оутрам Алан – археология ғылымдарының докторы, Эксетер университетінің археология және тарих кафедрасының профессоры (Ұлыбритания, Эксетер)

Романова Екатерина Назаровна – Солтүстіктің байырғы халықтарының мәселелері және гуманитарлық зерттеулер институтының этнологиялық зерттеулер орталығының жетекшісі (АН СР(Ы) ХР) (Ресей Федерациясы, Якутск қ.)

Рюосуке Оно – Васеда университетінің тереңдетілген гуманитарлық зерттеулер орталығының доценті (Жапония, Токио)

Сәбитов Жақсылық Мұратұлы – Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институтының директоры, PhD доктор (Қазақстан Республикасы, Астана қаласы)

Томохико Уяма – PhD докторы, Хоккайдо университетінің славян және еуразиялық зерттеулер орталығының профессоры (Жапония, Саппоро)

Финке Питер – PhD докторы, Цюрих университетінің Макс Планк институтының профессоры (Швейцария, Цюрих)

Шотанова Ғалия Айтжанқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Жауапты редактор

Абдулина Ақсұңқар Тұрсынқызы

Жауапты хатшы және редактор

Мырзаходжаев Қуаныш Мәдиұлы

Редакторлар

Қасымова Дидар Бейсенғалиқызы

Черниенко Денис Аркадьевич

Досымбетов Нұрлыбек Айдарбекұлы

Көбеев Рүстем Джаулыбайұлы

Техникалық көмек

Қонырбеков Медет Жаугааштыұлы

Зікірбаева Венера Серікқызы

Копеева Сания Жуматайқызы

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Кабульдинов Зиябек Ермуханович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, генеральный директор Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Члены редакционной коллегии

Абиля Еркин Аманжолович – доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан, г. Астана)

Абдырахманов Толобек Абилович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН КР (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Апендиев Тимур Акимханович – PhD, ассоциированный профессор, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Горшенина Светлана Михайловна – доктор PhD, кандидат исторических наук; директор по исследованиям CNRS Eur'Orbem, UMR 8224, CNRS/Университет Сорбонны (Франция, г. Париж)

Исмагулов Оразак Исмагулович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заведующий лабораторией физической антропологии Национального музея РК (Республика Казахстан, Астана)

Като Синдзи (Shinji Kato) – PhD (в области археологии), Национальный научно-исследовательский институт культурных ценностей в Наре (Япония, г. Нара)

Бирсель Каракоч, профессор тюркских языков, Уппсальский университет (Швеция, г. Уппсала)

Мионг Сун-ок – доктор антропологии, ассоциированный профессор (Корея, г. Сеул)

Козыбаева Махаббат Маликовна – доктор PhD; ведущий научный сотрудник Института культуры и духовного развития «Алаш» Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, Астана)

Моррисон Александр – PhD, профессор NewCollege, Оксфорд (Великобритания, Оксфорд)

Мотузаите-Матузевичюте Гидре – доктор археологии, профессор, руководитель Научного центра «Биоархеология» Вильнюсского университета, (Литва, г. Вильнюс)

Муминов Аширбек Курбанович – доктор исторических наук, арабист, профессор; консультант Генерального директора по организационной деятельности ОИК (Центральная Азия), (Турция, Стамбул)

Нурсан Алимбай – кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Отеева Гульфира Елубаевна – доктор исторических наук, профессор Павлодарского педагогического университета им. А.Х. Маргулана (Республика Казахстан, г. Павлодар)

Оутрам Алан – доктор археологических наук, профессор департамента археологии и истории университета Эксетере (Великобритания, г. Эксетер)

Романова Екатерина Назаровна, руководитель Центра этнологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИ АН РС(Я)) (Российская Федерация, г. Якутск)

Рюосуке Оно – доцент, Центр перспективных гуманитарных исследований, Университет Васеда (Япония, г. Токио)

Сабитов Жаксылык Муратович – директор Научного института изучения Улуса Джучи, доктор PhD (Республика Казахстан, г. Астана)

Томохико Уяма – PhD, профессор Центра славянско-евразийских исследований университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро)

Финке Петер, доктор PhD, профессор Института Макса Планка, университет Цюриха (Швейцария, г. Цюрих)

Шотанова Галия Айтжановна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ответственный редактор

Абдулина Аксункар Турсуновна

Ответственный секретарь и редактор

Мурзаходжаев Куаныш Мадиевич

Научные редакторы:

Касымова Дидар Бейсенгалиевна

Черниенко Денис Аркадьевич

Досымбетов Нурлыбек Айдарбекович

Кубеев Рустем Джаулыбайулы

Техническое сопровождение

Конырбеков Медет Жаугаитиевич

Зикирбаева Венера Сериковна

Копеева Сания Жуматаевна

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief

Kabul'dinov Ziyabek Ermukhanovich – Doctor of Historical Sciences Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, general Director of Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Editorial board members

- Abil Erkin Amanzholovich* – Doctor of Historical Sciences, Professor (Republic of Kazakhstan, Astana)
Abdyrakhmanov Tolobek Abilovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Apendiev Timur Akimkhanovich – PhD, associate professor, leading researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)
Gorshenina Svetlana Mikhailovna – PhD, Candidate of Historical Sciences; Research Director of CNRS Eur'Orbem, UMR 8224, CNRS/Sorbonne University (France, Paris)
Ismagulov Orazak Ismagulovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Head of the Laboratory of Physical Anthropology of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Astana)
Shinji Kato – PhD (Archaeology), Nara National Research Institute for Cultural Properties (Japan, Nara)
Birsel Karakoch – Professor of Turkic Languages, Uppsala University (Sweden, Uppsala)
Myong Soon-ok – PhD (Anthropology), Associate Professor (Seoul, Korea)
Kozybaeva Makhabbat Malikovna – PhD; Leading Researcher, Institute of Culture and Spiritual Development «Alash» of the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Republic of Kazakhstan, Astana)
Morrison Alexander – PhD, Professor, New College, Oxford (United Kingdom, Oxford)
Motuzaitė-Matuzevichute Gidrė – Doctor of Archaeology, Professor, Head of the Scientific Center «Bioarchaeology» of Vilnius University, (Lithuania, Vilnius)
Muminov Ashirbek Kurbanovich – Doctor of Historical Sciences, Arabist, Professor; Consultant to the Director General for Organizational Activities of the OIC (Central Asia), (Turkey, Istanbul)
Nursan Alimbay – Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)
Otepova Gulmira Elubayevna – Doctor of Historical Sciences, Professor at the A. Margulan Pavlodar Pedagogical University (Republic of Kazakhstan, Pavlodar)
Outram Alan – Doctor of Archaeological Sciences, Professor of the Department of Archaeology and History, University of Exeter (Great Britain, Exeter)
Romanova Ekaterina Nazarovna – Head of the Center for Ethnological Research, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North (IHR RAS (Yakutia)) (Russian Federation, Yakutsk)
Ryuosuke Ono – Associate Professor, Center for Advanced Humanitarian Studies, Waseda University (Japan, Tokyo)
Sabitov Zhaksylyk Muratovich – Director of the Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi, PhD (Republic of Kazakhstan, Astana)
Tomohiko Uyama – PhD, Professor, Center for Slavic-Eurasian Studies, Hokkaido University (Japan, Sapporo)
Finke Peter – PhD, Professor, Max Planck Institute, University of Zurich (Switzerland, Zurich)
Shotanova Galiya Aitzhanovna – Candidate of historical sciences, leading researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Editor-in-Chief

Abdulina Aksunkar Tursunovna

Responsible Secretary and Editor

Murzakhodjaev Kuanysh Madievich

Scientific Editors:

Kasymova Didar Beysengalieva
Chernienko Denis Arkadyevich
Dosymbetov Nurlybek Aidarbekovich
Kubeev Rustem Dzhaubayuly

Technical support

Konyrbekov Medet Zhaugashtievich
Zikirbaeva Venera Serikovna
Kopeeva Saniya Zhumataevna



Published in the Kazakhstan
Otan tarikhhy
Has been issued as a journal since
1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2025. Vol. 28. Is. 3. Pp. 660-668
Journal homepage:
<https://otan.history.iie.kz>



FTAXP / МРНТИ / IRSTI 03.20

https://doi.org/10.51943/2788-9718_2025_28_3_660-668

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ И ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА (1917–1924 гг.)

Абдукаюм Абдукадиров¹

¹Алмалыкский филиал Университета науки и технологий "МИСИС"

(д. 37, ул. Амира Темура, г. Алмалык, Республика Узбекистан),

К.и.н., доцент

E-mail: slavegun@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Абдукадиров А., 2025

Аннотация. *Введение.* Период с 1917 по 1924 год стал для всей территории современной Центральной Азии периодом резкой и достаточно болезненной ликвидации консервативных политических и социально-культурных институтов. Октябрьская революция 1917 г. породила в регионе процессы, в которых сложным образом сплелись борьба классов, национальные амбиции и революционные мечты. *Цель и задачи.* В статье рассматривается процесс противоречивого установления власти большевиков на территории Туркестана в течение 1917–1924 гг., а также охватываются эпизоды становления основ национальной советской государственности. *Материалы и методы.* Используются проблемный, сравнительно-исторический методы и источниковедческий анализ. В исследование вовлечены широкий круг источников – как официальных, так и публицистических. *Результаты.* В исследовании освещены процессы ликвидации Кокандской автономии, борьбы с национально-освободительным движением, деятельность джадидов, создание местных Советов, а также начальные этапы политики советской коренизации. *Выводы.* Сделана попытка показать, как на фоне борьбы за власть формировались предпосылки национально-территориального размежевания и были заложены институциональные основы будущих национальных республик.

Ключевые слова: Туркестан, Советская власть, национально - освободительное движение, Кокандская автономия, джадидизм, национальная политика РКП(б), этнотерриториальное разделение территорий, Центральная Азия, Таджикская АССР, модернизация, ислам

Для цитирования: Абдукадиров А. Установление советской власти в Туркестане и процесс формирования государственности на территории современного Узбекистана (1917–1924 гг.) // Отан тарихы. 2025. Т. 28. № 3. С. 660-668. [на рус.] DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_3_660-668

ТУРКІСТАНДА КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ ОРНАУЫ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ӨЗБЕКСТАН АУМАҒЫНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІЛІКТІҢ ҚАЛЫПТАСУ ҮДЕРІСІ (1917–1924 жж.)

Абдукаюм Абдукадиров¹

¹«МИСиС» Ғылым және технология университетінің Алмалық филиалы (Өзбекстан Республикасы, Алмалық қ., Әмір Темір к-сі, 37-үй)

Т.ғ.к., доцент

E-mail: slavegun@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Абдукадиров А., 2025

Аңдатпа. *Kipicne.* 1917–1924 жылдар аралығы қазіргі Орталық Азия кеңістігі үшін консервативті саяси және әлеуметтік-мәдени институттарды күрт әрі ауыр түрде жою кезеңі болды. 1917 жылғы Қазан төңкерісі аймақта әлеуметтік таптық күрес, ұлттық мүдделер мен революциялық идеялардың күрделі тоғысуына себепкер болды. *Мақсат пен міндеттер.* Мақалада 1917–1924 жылдары Түркістан аумағында большевиктердің билігінің қайшылықты әрі күрделі түрде орнау барысы қарастырылады, сондай-ақ ұлттық кеңестік мемлекеттік құрылымның негіздерінің қалыптасу кезеңдері қамтылады. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеуде проблемалық, салыстырмалы-тарихи әдістер мен деректанулық талдау қолданылды. Ресми құжаттар мен публицистикалық еңбектерді қоса алғанда, деректердің кең ауқымы пайдаланылды. *Нәтижелер.* Зерттеуде Қоқан автономиясын жою, ұлттық-азаттық қозғалыспен күрес, жәдидтердің қызметі, жергілікті Кеңестердің құрылуы, сондай-ақ кеңестік жергіліктендіру саясатының бастапқы кезеңдері талданды. *Қорытынды.* Билік үшін күрес аясында ұлттық-аумақтық межелеудің алғышарттары қалыптасып, болашақ ұлттық республикалардың институционалдық негіздері қаланғаны көрсетіледі.

Түйін сөздер: Түркістан, Кеңес өкіметі, ұлттық-азаттық қозғалыс, Қоқан автономиясы, жәдидшілдік, РК(б)П-ның ұлттық саясаты, этноаумақтық межелеу, Орталық Азия, Тәжік АССР-і, модернизация, ислам

Дәйексөз үшін: Абдукадиров А. Түркістанда Кеңес өкіметінің орнауы және қазіргі Өзбекстан аумағындағы мемлекеттік құрылымның қалыптасу үдерісі (1917–1924 жж.) // Отан тарихы. 2025. Т. 28. № 3. 660-668-бб. [орысш.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_3_660-668

ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER IN TURKESTAN AND THE PROCESS OF STATEHOOD FORMATION IN THE TERRITORY OF MODERN UZBEKISTAN (1917–1924)

Abdukayum Abduqodirov¹

¹Almalyk Branch of the National University of Science and Technology "MISiS"

(37 Amir Temur Str., Almalyk, Republic of Uzbekistan)

PhD (History), Associate Professor

E-mail: slavegun@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2025

© Abduqodirov A., 2025

Abstract. Introduction. The period from 1917 to 1924 became one of profound and painful dismantling of conservative political and socio-cultural institutions across the territory of present-day Central Asia. The October Revolution of 1917 triggered complex processes in the region, intertwining class struggle, national aspirations, and revolutionary ideals. *Purpose and objectives.* The article examines the contradictory and multifaceted establishment of Bolshevik power in Turkestan during 1917–1924, while also addressing episodes of the formation of the foundations of national Soviet statehood. *Materials and methods.* The study employs problem-oriented, comparative-historical methods and source analysis. A wide range of materials—both official and journalistic—are involved. *Results.* The research highlights the liquidation of the Kokand Autonomy, the struggle against the national liberation movement, the activities of the Jadids, the creation of local Soviets, as well as the early stages of the Soviet indigenization (korenizatsiya) policy. *Conclusion.* An attempt is made to demonstrate how, amid the struggle for power, the prerequisites for national-territorial delimitation were formed and the institutional foundations of future national republics were laid.

Keywords: Turkestan, Soviet power, national liberation movement, Kokand Autonomy, Jadidism, RCP(b) national policy, ethno-territorial delimitation, Central Asia, Tajik ASSR, modernization, Islam

For citation: Abduqodirov A. Establishment of Soviet Power in Turkestan and the Process of Statehood Formation in the Territory of Modern Uzbekistan (1917–1924) // Otan Tarihy. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 660-668. [in Russ.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_3_660-668

Введение. Период с 1917 по 1924 год стал для всей территории современной Центральной Азии периодом резкой и достаточно болезненной ликвидации консервативных политических и социально-культурных институтов. Октябрьская революция 1917 года породила в регионе процессы, в которых сложным образом сплелись борьба классов, национальные амбиции и революционные мечты. Процесс формирования большевистской власти в Туркестане сопровождался ожесточенным сопротивлением со стороны мусульманской буржуазии, различных консервативных религиозных кругов, а также попытками создать альтернативные, самостоятельные формы власти. Ключевыми в этот период были события, связанные с Кокандской автономией, джадидским течением, национально-освободительным движением и становлением республиканских институтов. Именно в 1917–1924 гг. были заложены основы тех государственных границ, которые впоследствии стали границами союзных республик СССР.

Методы и материалы. В исследовании применяются проблемный и сравнительно-исторический методы, позволяющие выявить специфику становления советской власти в Туркестане и проследить процесс трансформации политических и социальных институтов в контексте общероссийских и региональных событий. Источниковедческий анализ используется для критического осмысления документальной базы и сопоставления различных точек зрения современников и исследователей.

Материалами исследования стали нормативные акты советской власти, постановления и резолюции Туркестанского ЦИК, протоколы съездов и заседаний, а также публицистика и мемуарная литература, отражающие позиции участников и свидетелей событий. Дополнительно привлекались документы партийных и государственных органов, хранящиеся в центральных и региональных архивах, статистические данные, периодическая печать начала XX века.

Использование комплексного подхода к источникам – сочетание официальных документов, публицистики и воспоминаний – позволило реконструировать многоплановую картину процессов 1917–1924 гг. и выявить противоречия, характерные для политики большевиков в Туркестане.

В качестве источника использовалась брошюра под названием «К истории революции в Бухаре», написанная в 1926 г. Файзуллой Ходжаевым. В ней он попытался дать «объективную» оценку джадидскому движению. Эта брошюра была частично ответом А. Икрамову, который назвал джадидов защитниками интересов «национальной буржуазии», и частично С. Айни, который выпустил книгу «Материалы к Бухарской революции» в 1922 г. и с позицией которого он не соглашался. С. Айни пытался «примирить» джадидизм с большевизмом, а Ф. Ходжаев принципиально не соглашался с ним, доказывая, что джадидизм был идеологией городской буржуазии и ничего общего с большевизмом у него нет. Ходжаев утверждал, что «внутри» джадидизма было «левое» течение, которое, отделившись от джадидов, слилось с большевизмом и приняло его идеологию [Алимджанов, 2019, 153–154]. Ходжаев в своей брошюре не рассматривает джадидизм как единое целое; он видит его как «мозаику», которая в разные исторические эпохи меняла свою идеологию и тактику.

Обсуждение. В зарубежной научной литературе указывается на значимость Кокандской автономии в качестве политического символа пробуждающегося национального движения. Например, историк Адиб Халид пишет: «Кокандская автономия возникла как политическая реакция на захват власти большевиками. Это было не консервативное или антимодернистское движение, а скорее мусульманский националистический проект, ориентированный на поиск альтернативного пути развития современности, основанного на исламской легитимности и представлении интересов общин. Насильственное подавление автономии стало глубокой травмой для представителей центральноазиатских реформаторов» [Khalid. 2015: 113].

Таджикские исследователи также делают акцент на неоднородность в рядах сопротивления, сформировавшегося против новых властей: «Противостояние вооруженных сил советской политике, особенно в южных и восточных районах Средней Азии, носило не только политический и идеологический характер, но и выступало как движение в защиту традиционных ценностей и уклада местной жизни. Эти силы состояли в основном из туземцев и представителей имущих социальных слоев, которые с созданием новой власти увидели, что их влияние и имущество находятся под угрозой: беков, религиозных деятелей, торговцев и представителей влиятельных кланов» [Набиева. 2009: 94].

Американский историк Адеб Халид в своих работах подчёркивает, что большевистская идеология вступила в конфликт с джадидским проектом реформы общества, основанным на исламских ценностях:

«Для большевиков джадиды проявляются как националистическая и религиозная сила, которая не доверяет ответственности за преобразование общества. Самая концепция мусульманской реформы, даже если бы она содержала прогрессивные элементы, была бы недопустима, если бы не марксистская идеология. Таким образом, к середине 1920-х годов большинство джадидов были исключены из общественной жизни» [Khalid, 2015: 134]. В другом труде он отмечает:

«Советский проект вытеснил тех реформаторов, которые стремились изучить свои идеи в рамках исламских традиций. Многие из них были объявлены «буржуазными националистами», а их работа была исключена из общественной жизни. К 1924 году джадидское движение как организованная структура фактически ограничило свое существование» [Khalid, 1999: 293].

Результаты. Формирование современных наций в Центральной Азии в первые годы советской власти представляет собой комплексный и неоднозначный процесс, в котором соединились элементы социального конструирования, этнической и культурной мобилизации, а также административного вмешательства со стороны центральной власти. Период с 1917 по 1924 годы стал решающим в переходе от имперской системы управления окраинами к национально-государственному проекту, реализованному в рамках логики концепции «социалистического нацстроительства» В.И. Ленина.

В этом ключе особый интерес представляет события, произошедшие в Коканде. Одной из первых форм организованного политического сопротивления советской власти в Центральной Азии стала Кокандская автономия, провозглашённая на IV Чрезвычайном краевом мусульманском съезде в декабре 1917 года. Это движение смогло объединить вокруг себя не только представителей национальной интеллигенции, духовенства, но и торгово-ремесленного слоя.

«Автономия Туркестана была образована на съезде в Коканде 11 декабря 1917 г. Её организаторы заявили о необходимости автономного мусульманского управления на основе парламентаризма и уважения к исламским традициям. Возглавили её Мунаввар Кари Абдурашидханов и М. Шокай. Автономия просуществовала 72 дня и была жестоко подавлена красногвардейскими частями в феврале 1918 г.» [Алкин, 1967: 75-78].

Как подчёркивает Ф. Бобоев, политическая модель, предложенная лидерами автономии, сочетала идеи турецкого парламентаризма, мусульманского самоуправления и федеративной связи с Россией: «11 декабря 1917 года на 4-м мусульманском съезде в Коканде было провозглашено Туркестанское Мусульманское Временное Правительство – Кокандская автономия. Это движение стало новым этапом национально-демократической борьбы в Туркестане и первым шагом на пути к созданию независимого государства» [Бобоев, 2020: 138-150].

Однако Советская власть отказалась признать эту автономию и в феврале 1918 года организовала её военное подавление с участием сил РККА и международных отрядов. По данным некоторых историков, в ходе штурма Коканда и последующих расправ могло погибнуть несколько тысяч человек. Хотя до сих пор не имеется одинаковой точки зрения по точному числу жертв, печальные последствия этих событий имели долгосрочный эффект. «Против населения, поддерживавшего автономию, была применена военная сила. Город Коканд подвергся артиллерийскому обстрелу, в результате чего погибло множество мирных жителей. Эти события посеяли в сознании народа недоверие к советской власти» [Бобоев, 2019].

Впоследствии, можно проследить, что ликвидация Кокандской автономии не только на корню уничтожила первую форму мусульманского самоуправления, но и стала причиной порождения длительного сопротивления, выраженных в формах военного противостояния и усилении национального самосознания.

После ликвидации Кокандской автономии большевики начали усиленно и разными насильственными в том числе, распространять власть Советов на территории Туркестана. Однако в условиях острой социальной, этноконфессиональной и культурной трансформации эта политика встретила сопротивление, которое вскоре вылилось в масштабное военное движение.

Характер сопротивления был многофакторным: оно объединяло экономически разорённых крестьян, представителей традиционного духовенства и беков, родоплеменную знать, а также антисоветски настроенную интеллигенцию. Как подчёркивает таджикский историк Р. Набиева:

«Басмаческое (в таджикской историографии по настоящее время применяется данное понятие – А.А.) движение не было однородным: оно включало крестьянскую самооборону, религиозные братства, феодалов, а также дезертиров из Красной армии. Общее у них было

одно – отторжение большевистского насилия и навязанных структур. Басмачи в Гиссаре, Дарвазе, Бухаре и Хорасане сопротивлялись новому порядку не только вооружённо, но и через сохранение прежних исламских и родоплеменных институтов» [Набиева. 2009: 94].

Важной причиной роста недовольства местного населения стала разрушительная политика по отношению к существующим религиозным и культурным институтам. Как подчёркивает Ф. Бобоев: «В годы советской власти политика, направленная на полное преобразование общества и сопровождавшаяся различными формами насилия над священными обычаями, традициями, религией и культурой народа, вызвала гнев в сознании людей. Это, в свою очередь, привело к возникновению движений сопротивления» [Бобоев, 2019].

Борьба с басмачеством со стороны советской власти включала как военные, так и административные меры: создание специальных частей, проведение карательных операций, контроль над транспортом и продовольствием. Советская власть в Узбекистане воспринимала «басмачество» не только как вооружённое сопротивление, но и как «враждебную идеологию», подрывающую основы революционного порядка. Как подчёркивает Ф.С. Бобоев, борьба против басмачества велась «не только оружием, но и словом» – через систему партийной пропаганды, мобилизацию молодёжи и демонстрацию культурных достижений новой власти: «Проводилась активная агитация через комсомольские организации, создавались кружки, клубы, ячейки советской молодёжи, призванные вести борьбу с «невежеством и религиозным мракобесием» [Бобоев, 2019].

Идеологическая обработка населения через печатные и передвижные средства пропаганды стало отдельным, одним из ключевых направлений политики большевиков. В журнале Коминтерна отмечалось: «Для просвещения масс в отдалённых районах активно использовались агитпоезда, передвижные киноустановки и специальные мусульманские инструкторы» [Суздальцев, 2021: 75]. Например, агитпоезд «Красный Восток» в 1920 году курсировал в Туркестане и за август – сентябрь того года отпустил просветительным учреждениям и общественным организациям Ташкента, Ходжента, Коканда, Ферганской долины и других населённых пунктов Средней Азии 179 библиотек и около 17 тыс. книг.

Активное противостояние с повстанцами затянулось вплоть до 1924 года, а в отдалённых районах Восточной Бухары вооружённые столкновения с несогласными возникали вплоть до конца 20-гг. Только с проведением национально-территориального размежевания и формированием республиканских границ, а также со стабилизацией управления на местах, вооружённое сопротивление постепенно пошло на спад, на местах Власть Советов окончательно и бесповоротно укрепилась. К власти на местах уже приходили кадры, формировавшиеся не на идеологии национальной идентичности как джаиды, а воспитанные в духе коммунистического интернационала.

Джаидизм, возникший в конце XIX – начале XX века как движение за реформу мусульманского образования и общества, был не только культурным, но в первую очередь политическим явлением. Его сторонники выступали за модернизацию традиционных институтов, внедрение новых методик обучения и ослабление религиозного консерватизма, что отражало стремление мусульманских элит к обновлению и интеграции в современный мир. После Февральской и Октябрьской революций 1917 года джаиды активно искали пути оптимального взаимодействия с новыми властями, рассматривая большевиков в качестве потенциальных партнеров в борьбе против царской России и местных reactionеров. В первые месяцы после революции лидеры джаидизма воспринимали сотрудничество с большевиками как реальную возможность добиться социальных и культурных реформ без повторения внешнего колониального давления, которое они связывали с царской Россией и иностранными империями. Хотя и самая среда джаидского движения была довольно неоднородной. «Джаидское движение либеральной буржуазии не выходило за рамки конституционных методов. Несколько более решительными были джаиды Бухары и Хивы, но и они не шли дальше конституционной монархии и ряда буржуазных реформ» [Шамсутдинов, 1985: 73-80].

Туркестанские джаиды ясно осознавали, что просвещением масс можно спасти страну от отсталости и раздробленности, поэтому они в начальном этапе сосредоточили свои основные усилия на создании новометодных школ (мактаби усули жадид), совершенствовании их содержания и формы. Новые школы были поддержаны растущими богатыми предпринимателями и прогрессивной интеллигенцией Туркестана. Эти школы были начальными учебными заведениями, где обучение длилось четыре или шесть лет. Первоначально (за счет средств Хусайнова) в 1893 году в Самарканде, в 1898 году в Коканде Салохиддин домла, в том же году в Токмаке, а в 1899 году в старом Ташкенте Мунаввар Кори и в Андижане Шамсиддин домла основали джаидские школы. В 1900 году в Бухаре

Джурабой кори основал школы нового типа. В 1903 году Махмудходжа Бехбуди за свой счет открыл аналогичную школу в Джамбае. Джадиды Хаджи Муин и Шакури лично преподавали в этой школе» [Содиқов, Шамситдинов, Равшанов, 2000: 169-170].

Уже в 1919–1920 гг. отношение советской власти к джадидизму стало резко негативным. Их школы и учебные программы были признаны «буржуазно-националистическими», подлежащими национализации и идеологическому переоформлению.

Большевики, пришедшие к власти после Октябрьского переворота, сразу же выступили против джадидов, потому как идеи просветителей о независимости, свободе и равенстве не соответствовали интересам не только царских чиновников, но и коммунистической идеологии большевиков. Поэтому советское правительство преследовало представителей джадидов, отказавшихся служить его интересам, оказывая на них физическое и моральное давление. В то же время оно пыталось хитростью посеять раздор между группами, возникшими среди джадидов. Характерно, что советские историки стремились доказать связь джадидского движения с процессом формирования буржуазии. Это привело к искажению научной истины об истории джадидов [Амридинова, 2017: 20].

Уже в начале 1920-х годов лидеры движения, такие как Абдурауф Фитрат, Абдурашидханов, Валидов и др., подверглись сначала идеологической критике, а потом административному отстранению и репрессиям, многие из них были просто физически устранены. Таким образом, к концу 1924 года джадидизм как политико-культурное течение был подавлен, а его активисты – либо вытеснены из жизни, либо уничтожены в рамках кампаний против «нацдемов» и «панисламистов».

Советская власть в Средней Азии активно проводила политику коренизации и начала формировать новые национальные институты. Как подчёркивает российский исследователь А.Р.А. Дюков: «Суть советской этнотерриториальной модели заключалась в том, что территориям придавались признаки и названия, символически соотнесённые с конкретными этническими категориями, вне зависимости от фактической этнической структуры населения» [Дюков, 2016: 6].

К 1924 году в Средней Азии были предприняты первые системные шаги к национально-территориальному размежеванию. Этот процесс стал кульминацией курса на создание новых форм советской государственности, основанных на этническом и языковом принципе. Основной задачей являлось превращение территорий, ранее входивших в состав Туркестанской АССР, Хорезмской и Бухарской народных республик, в национальные административные единицы, соотнесённые с титульными этносами. В результате были образованы Узбекская ССР и Туркменская ССР как союзные республики, а также Таджикская АССР в составе Узбекской ССР.

Хотя административное размежевание сопровождалось конфликтами и спорами на разных уровнях по поводу этнических и государственных границ, оно стало важным этапом в институционализации новых наций и формировании этноцентричных моделей государственности, которые позже оформились в рамках союзных республик. Данный процесс сопровождался созданием национальных наркоматов, печатных изданий на национальных языках, а также широким вовлечением местных кадров в органы власти и управления.

Советская власть в регионе строилась через массовое создание Советов, в том числе на первых порах и мусульманских. Как отмечается: «Советы мусульманских депутатов (муссовдепы) объединяли не только рабочих, городскую бедноту, но и мелкую буржуазию, байские, буржуазно-националистические элементы. Это была одна из особенностей развития революционного движения в Туркестане. Муссовдепы, особенно в начале, выступали как инструменты интеграции, но уже к 1920 году большинство из них было подчинено партийным структурам. Тем не менее, как подчёркивает Р.Т. Шамсутдинов, «именно участие мусульман в советских органах обеспечивало устойчивость власти на местах на начальном этапе» [Шамсутдинов, 1985: 139].

Эту линию усиливали и международные структуры, прежде всего Коминтерн, где в 1920 г. уже ставилась задача усиления идеологической работы в мусульманских районах. Как отмечалось в докладе, опубликованном в журнале «Коммунистический Интернационал»: «Особенностью агитации в Туркестане стало соединение лозунгов равенства народов и поддержки ислама как формы национального самоопределения, что использовалось для привлечения широких масс к Советам» [Суздальцев, 2021: 77].

Период 1924 года стал кульминацией процесса «упорядочивания» этнической карты региона. При этом этнотерриториальный подход к нацстроительству использовался как инструмент политического управления, но он также закладывал основы будущих межэтнических напряжённостей. Как указывает Шамсутдинов, «советская политика в регионе сочетала элементы социальной модернизации и этнической мобилизации. Но, «несмотря на декларации, фактическое

участие местного населения в принятии решений было минимальным – ключевые параметры будущих республик определялись в Кремле» [Шамсутдинов, 1985: 141].

Однако современные исследования, в частности работа Адиба Халида, предлагают более сбалансированную трактовку. Он подчёркивает, что: «...Национально-территориальное размежевание было инициировано советской властью, но проводилось местными кадрами, сыгравшими важную роль в определении как условий поставленной задачи, так и конечной цели. Именно партийное руководство на местах принимало ключевые решения после обсуждения на республиканском уровне» [Khalid, 2015: 134].

Халид также обращает внимание на то, что национальные категории не были искусственно навязаны центром. Напротив, они возникли из предреволюционного национального дискурса и были вначале подхвачены местной интеллигенцией: «Национальная идея появилась в Средней Азии ещё до революции и была с энтузиазмом воспринята местной интеллигенцией. Коммунисты Средней Азии вели интенсивные споры по вопросу национального размежевания, отстаивая свои собственные интересы. Национальное размежевание стало кульминацией достижений местных коммунистов коренных национальностей» [Khalid, 2015: 134].

Формирование республик сопровождалось и внутренними напряжённостями. Как подчёркивается в исследованиях о национально-освободительном движении, недовольство социальной и культурной политикой большевиков (включая секуляризацию и аграрные реформы) нередко выливалось в вооружённое сопротивление. При этом советская власть не делала различий между социальными протестами и «национализмом», подавляя оба как контрреволюционные. В регионах, таких как Восточная Бухара, борьба была особенно ожесточённой.

Как пишет Ф. Бобоев, «движение против советской власти в Узбекистане в 1925–1935 гг. имело не просто реакционную, а комплексную природу, в которой сливались религиозное сопротивление, антиколониальные чувства и неприятие насильственной модернизации» [Бобоев, 2020: 138-150].

Процесс формирования современных среднеазиатских наций в 1917–1924 гг. был не спонтанным, а управляемым сверху – с элементами местного сопротивления и компромисса. Советская власть, декларируя право наций на самоопределение, фактически создала, частично заново «пересоздала» нации, определив их языковые, территориальные и культурные параметры. Как подчёркивается в исследовании «Советский проект. 1917–1930-е гг.», «формирование республик стало важнейшим инструментом создания новых идентичностей, но одновременно – и переноса скрытых конфликтов в легальную плоскость этнической политики» [Брусин, 2018: 109].

Стоит подчеркнуть, что советское нацстроительство в Центральной Азии представляет собой пример административного моделирования этничности XX века, при котором исторические, лингвистические и культурные различия были систематизированы и институционализированы в форме союзных и автономных республик. Этот процесс оказал долговременное влияние на межэтнические отношения, политическую карту региона и современное национальное самосознание народов региона.

С первых лет после Октябрьской революции политика Советской России в Центральной Азии вызывала пристальное внимание как со стороны соседних восточных стран, так и европейского сообщества. Причины интереса были как идеологическими, так и геополитическими, потому как регион европейцами рассматривался как буферная зона между британской Индией и советской Россией, а также как плацдарм для возможного распространения революции в исламский мир.

Уже в 1920 году международные коммунистические круги, включая Коминтерн, активно продвигали тезис о революционном потенциале мусульман Востока. В журнале «Коммунистический Интернационал» подчеркивалось: «Наша задача – не только пробудить Восток, но и вооружить его идеей советской власти. Туркестан, Бухара и Хива – первые примеры социалистической трансформации мусульманских обществ, которые должны послужить образцом для других стран Востока» [Суздальцев, 2021: 74].

В то же время англо-американские круги рассматривали большевистскую активность в регионе с тревогой. Как свидетельствуют публикации в британской прессе 1920-х годов, создание «народных республик» в Хиве и Бухаре расценивалось не как прогрессивное преобразование, а как установление «марионеточных», подконтрольных красной России режимов. Эти оценки подтверждаются и в западной научной историографии: «Западные аналитики рассматривали советское присутствие в Центральной Азии как неоколониальную модель, замаскированную под интернационализм. Особую тревогу вызывала экспансия в районе Амударьи, близко подходящем к британским интересам в Персии и Афганистане» [Penati, Beatrice, 2007: 521-538].

Беатрис Пенати подчёркивает, что в международных наблюдениях широко распространялась идея о «советском наступлении на ислам» под видом культурной революции: «Западные дипломаты сообщали о насильственном закрытии медресе, реформе хиджаба и конфискации вакуфных земель. Всё это представлялось как доказательство репрессивной и антирелигиозной сути большевистской власти» [Penati, Beatrice, 2007: 521-538].

Также и в мусульманском мире восприятие советской политики было двойственным. С одной стороны, энтузиазм вызывали антиколониальные лозунги и провозглашённое равенство народов, с другой – жестокое подавление повстанчества и джадидизма воспринималось как борьба против исламской идентичности. Как отмечает американский исследователь Гленда Фрейзер: «Советский эксперимент в Центральной Азии рассматривался либо как вдохновляющий пример социального прогресса, либо как новый виток угнетения под красным флагом» [Fraser, 1987: 1-73].

Критика исходила также и из восточноевропейской мусульманской эмиграции. Один из наиболее влиятельных голосов – узбекско-турецко-немецкий историк Боймирза Хайит – писал о советском национальном строительстве в Центральной Азии как о форме колониального передела. По его мнению, «советская национальная политика в Туркестане была направлена не на освобождение народов, а на их разобщение и подавление исламской идентичности» [Hayit, Baymirza, 1956].

Заключение. Таким образом, международная реакция на советскую политику в Центральной Азии в 1917–1924 гг. варьировалась от идеологической солидарности в рамках Коминтерна до резкой критики и отторжения со стороны западных наблюдателей и мусульманских стран. Эти оценки способствовали формированию устойчивых сюжетов и представлений о «советском вмешательстве» в исламский Восток, которые сохранялись и в более поздней историографии.

Период 1917–1924 годов стал временем глубоких трансформаций в Центральной Азии. Установление советской власти сопровождалось жестким подавлением альтернативных моделей власти, ликвидацией национального и религиозного сопротивления и одновременным формированием основ будущей этнополитической карты региона. Национально-территориальное размежевание стало итогом этого бурного периода – но сам проект советской нации оказался продуктом насильственной модернизации, совмещающей административную централизацию с номинальным признанием этничности. Именно в эти годы была сформирована модель «советской нации» – инструментальная и идеологическая конструкция, последствия которой ощущаются и сегодня.

Литература

- Алимджанов, 2019 – *Алимджанов Б.А.* История и идеология бухарского джадидизма в контексте взглядов и личности Файзуллы Ходжаева // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 153–170.
- Алкин, 1967 – *Алкин И.И.* Установление Советской власти в Средней Азии. Ташкент: Изд-во УзССР, 1967. 280 с.
- Амридинова, 2017 – *Амридинова Д.* Самарқанд жадидчилик мактаби. Тошкент: Наврӯз нашриёти, 2017. 240 б.
- Бобоев, 2020 – *Бобоев Ф.С.* XX аср 20–30-йилларида ўзбек халқи мустақиллик учун кураши тарихи ва тарихшунослигидан // Ўзбекистон тарихи. 2020. № 3. С. 45–57.
- Бобоев, 2019 – *Бобоев Ф.С.* Ўзбекистон ССРда совет тузумига қарши қуроли ҳаракат (1925–1935): Автореф. диссертации на соискание степени PhD по истории. Ташкент, 2019. 35 с.
- Брусин, 2018 – *Брусин Д.В.* Политика советской власти в национальном вопросе: между интернационализмом и этничностью // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Сборник трудов. Екатеринбург, 2018. С. 112–128.
- Дюков, 2010 – *Дюков А.Р.* Советская система этнотерриториального устройства как фактор дезинтеграции СССР. М.: Фонд исторической перспективы, 2010. 240 с.
- Набиева и др., 2009 – *Набиева Р.* и др. Таърихи халқи тоҷик дар асри XX ва ибтидои асри XXI. Душанбе: Ирфон, 2009. 356 с.
- Суздальцев, 2021 – *Суздальцев И.А.* Страны Центральной Азии в политике Коминтерна и журнале «Коммунистический Интернационал» в 1920 г. // Mongolica. 2021. Vol. XXIV. No. 3. С. 101–118.
- Содиқов и др., 2000 – *Ўзбекистоннинг янги тарихи.* Биринчи китоб: Туркистон чор Россияси мустанлақчилиги даврида / Тузувчилар: *Содиқов Ҳ., Шамситдинов Р., Равшанов П.* ва бошқалар. Тошкент: Шарқ, 2000. 400 б.
- Шамсутдинов, 1985 – *Шамсутдинов Р.Т.* К вопросу об особенностях становления и развития Советов в Средней Азии и Казахстане (1917–1925 гг.) // История СССР. 1985. № 5. С. 42–58.
- Khalid, 2015 – *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 400 p.

Khalid, 1999 – *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Oxford: University of California Press, 1999. 300 p.

Fraser, 1987 – *Fraser G.B.* Basmachi-I // Central Asian Survey. 1987. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–73; Basmachi-II // Central Asian Survey. 1987. Vol. 6. No. 2. Pp. 7–45.

Hayit, 1956 – *Hayit B.* Turkestan im 20. Jahrhundert. Köln: Dürer Verlag, 1956. 420 S.

Penati, 2007 – *Penati B.* The Reconquest of East Bukhara: The Struggle Against the Basmachi as a Prelude to Sovietization // Central Asian Survey. 2007. Vol. 26. No. 4. Pp. 521–538.

References

Alimjanov, 2019 – *Alimjanov B.A.* İstoriya i ideologiya bukharskogo jadidizma v kontekste vzglyadov i lichnosti Faizully Khojaeva [History and ideology of Bukhara Jadidism in the context of the views and personality of Faizulla Khojaev]. *Novoe proshloe*. 2019. № 1. Pp. 153–170. [In Russian].

Alkin, 1967 – *Alkin I.I.* Ustanovlenie Sovetskoy vlasti v Sredney Azii [Establishment of Soviet power in Central Asia]. Tashkent: Izd-vo UzSSR, 1967. 280 p. [In Russian].

Amridinova, 2017 – *Amridinova D.* Samarqand jadidchilik maktabi [The Samarkand Jadid school]. Toshkent: Navruz nashriyoti, 2017. 240 p. [In Uzbek].

Boboev, 2019 – *Boboev F.S.* Uzbekistan SSRda sovet tuzumiga qarshi qurolli harakat (1925–1935 yy.) [Armed resistance against the Soviet regime in the Uzbek SSR (1925–1935)]. Avtoref. dissertatsii na soiskanie stepeni PhD po istorii. Tashkent, 2019. 35 p. [In Uzbek].

Boboev, 2020 – *Boboev F.S.* XX asr 20–30-yillarida uzbek halqi mustaqillik uchun kurashi tarixi va tarixshunosligidan [On the history and historiography of the Uzbek people's struggle for independence in the 1920s–1930s]. *Uzbekiston tarixi*. 2020. № 3. Pp. 45–57. [In Uzbek].

Brusin, 2018 – *Brusin D.V.* Politika sovetской власти v natsional'nom voprose: mezhdru internatsionalizmom i etnichnost'yu [Soviet policy on the national question: between internationalism and ethnicity]. *Sovetskiy proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii*. Sbornik trudov. Ekaterinburg, 2018. Pp. 112–128. [In Russian].

Dyukov, 2010 – *Dyukov A.R.* Sovetskaya sistema etnoterritorial'nogo ustroystva kak faktor dezintegratsii SSSR [The Soviet system of ethno-territorial organization as a factor in the disintegration of the USSR]. Moscow: Fond istoricheskoy perspektivy, 2010. 240 p. [In Russian].

Fraser, 1987 – *Fraser G.B.* Basmachi-I // Central Asian Survey. 1987. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–73; Basmachi-II // Central Asian Survey. 1987. Vol. 6. No. 2. Pp. 7–45.

Hayit, 1956 – *Hayit B.* Turkestan im 20. Jahrhundert. Köln: Dürer Verlag, 1956. 420 S.

Khalid, 1999 – *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Oxford: University of California Press, 1999. 300 p.

Khalid, 2015 – *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 400 p.

Nabieva i dr., 2009 – *Nabieva R.* et al. Tarikhi khalqi tojik dar asri XX va ibtidoi asri XXI [History of the Tajik people in the 20th and early 21st centuries]. Dushanbe: Irfon, 2009. 356 p. [In Tajik].

Penati, 2007 – *Penati B.* The Reconquest of East Bukhara: The Struggle Against the Basmachi as a Prelude to Sovietization // Central Asian Survey. 2007. Vol. 26. No. 4. Pp. 521–538.

Shamsutdinov, 1985 – *Shamsutdinov R.T.* K voprosu ob osobennostyakh stanovleniya i razvitiya Sovetov v Sredney Azii i Kazakhstane (1917–1925 gg.) [On the peculiarities of the formation and development of Soviets in Central Asia and Kazakhstan (1917–1925)]. *Istoriya SSSR*. 1985. № 5. Pp. 42–58. [In Russian].

Sodiqov et al., 2000 – *Sodiqov H., Shamsitdinov R., Ravshanov P.* va boshqalar. Uzbekistanning yangi tarixi. Birinchi kitob: Turkiston chor Rossiyasi mustamlakachiligi davrida [The new history of Uzbekistan. Book One: During the colonial period of Tsarist Russia in Turkestan]. Toshkent: Sharq, 2000. 400 p. [In Uzbek].

Suzdal'tsev, 2021 – *Suzdal'tsev I.A.* Strany Tsentral'noy Azii v politike Kominterna i zhurnale «Kommunisticheskiy Internatsional» v 1920 g. [The countries of Central Asia in the policy of the Comintern and the journal "Communist International" in 1920]. *Mongolica*. 2021. Vol. XXIV. No. 3. Pp. 101–118. [In Russian].

СОДЕРЖАНИЕ

ОТАН ТАРИХЫ № 28 (3). 2025

Ainur Dauletovna Zhuandykova, Kuanysh Aldabergenovich Iskakov

THE HISTORY OF KAZAKH MIGRATION TO IRAN: CAUSES, STAGES AND CONSEQUENCES.....553

Burkitbay Gelmanuly Ayagan

ON THE HISTORY OF THE TRANSLATION OF "THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS" BY S.A. KOZIN.....563

Makhabbat M. Kozybayeva

SOCIAL AND LEGAL ASPECTS OF DISENFRANCHISEMENT IN KAZAKHSTAN IN THE 1920S–1930S.....573

Nazym Amanzholova, Aliya Oskembay, Kenzhegul Tergembay

YOUTUBE AS A PLATFORM FOR THE REPRESENTATION OF OTYNSHY ALZHANOV: INTERPRETATIONS AND PUBLIC ENGAGEMENT IN DIGITAL MEDIA.....591

Ziyabek E. Kabuldinov, Olzhas B. Kuanbay, Ualikhan S. Ibraev

JAPANESE HISTORIOGRAPHY FROM ANCIENT TIMES TO 1912: EVOLUTION OF HISTORICAL THOUGHT AND SOURCES.....601

Oraz Sapashevich Sapashev, Samat Kairollaevich Samashev

THE TRADITION OF CONTINUITY IN STATE STANDARDS AND WEAPONRY AMONG THE SAKA, XIONGNU, AND TURKS.....617

Toraigyrov Erzhan Muratovich, Bakirova Zhansaya Bazaralyevna

DEVELOPMENT OF EDUCATION AND ENLIGHTENMENT IN THE PRIIRTYSH REGION FROM THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY TO THE 1920S.....638

Zauresh Galimzhanovna Saktaganova, Tolkynay Kuandykzy Sakabay

FOOD AND FINANCIAL ASSISTANCE MEASURES FOR DESTITUTE CHILDREN DURING THE FAMINE OF THE 1930S (ON THE EXAMPLE OF CENTRAL KAZAKHSTAN).....650

Абдукаюм Абдукадиров

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ И ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА (1917–1924 гг.).....660

Айгүл Молдалиқызы Сманова

ГЕНЕРАЛ В. СИКОРСКИЙДІҢ ЭМИГРАНТТЫҚ ҮКІМЕТІ: САЯСИ КЕЛБЕТІ МЕН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ІС-ӘРЕКЕТІ.....669

Айнур Канатовна Кайруллина, Альбина Абеновна Максумова

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАРШЕГО СУЛТАНА БАЯНАУЛЬСКОГО ВНЕШНЕГО ОКРУГА КАЗАНГАПА БИ САТЫБАЛДЫУЛЫ.....681

Сұлтан Хан Аққұлұлы Жүсіп, Сулушаш Рахимжановна Сарманова, Халил Борисович Маслов

ӘЛИХАН БӨКЕЙХАННЫҢ ИМПЕРАТОРЛЫҚ РЕСЕЙ ГЕОГРАФИЯЛЫҚ ҚОҒАМЫНЫҢ БАТЫС-СІБІР БӨЛІМІ ҚҰРАМЫНДА ҚАЗАҚ ДАЛАСЫН ЗЕРТТЕУГЕ ҚОСҚАН ҮЛЕСІ.....690

Ахметова Раушан Дюсенбековна, Қонбай Ерке

1930-ШЫ ЖЖ. АШАРШЫЛЫҚ КЕЗЕҢІНДЕГІ БАЛАЛАР ТАҒДЫРЫ (БАТЫС ҚАЗАҚСТАН Өңірі мысалында).....705

Болат Сағидоллаұлы Жұмағұлов, Лесқали Базарғалиұлы Бердіғажин, Алдар Сәрсенұлы Сәрсенов

1931 ЖЫЛҒЫ МАУСЫМДАҒЫ БОСАҒА ШАЙҚАСЫ: ҰРЫС ТАКТИКАСЫ, ӘСКЕР КҮШІ.....719

Гульмира Усенбаевна Орынбаева

ЭТНОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА МЕЖДУ ПРИТЯЖЕНИЕМ «УХОДЯЩЕГО ПОЛЯ» И «КОЛХОЗНОЙ» ПОВЕСТКОЙ (2-я половина 40-х – 50-е гг. XX в.).....732

Дидар Бейсенғалиевна Касимова, Болат Кудайбергеноұлы, Алмас Каиргельдинович Кенжеғалин

ПИСЬМО 43 ИЗ КЕНТАУ В ЦК КП КАЗАХСТАНА: ОПЫТ АНАЛИЗА.....749

Динара Кайсаровна Сулейменова, Алпысбес Махсат Алпысбесұлы

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ХАНА ТОКТАМЫША В 1380-1395 ГОДАХ.....767

Еңлік Қабыкенқызы Абеуова, Анар Еркенқызы Кәрімова, Гүлфира Елубайқызы Отепова

Ә.Х. МАРҒҰЛАННЫҢ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАРДЫҢ ДАМУЫНЫҢ КӨРІНІСІ РЕТІНДЕГІ РЕЦЕНЗИЯЛЫҚ ҚЫЗМЕТІ (1940-1960 жж.).....777

Ерден Ерназарович Ибраев, Гульмира Келдыбаевна Нурушева, Жангельды Арсенович Шаукенов

МЕТОДОЛОГИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ КАЗАХСТАНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА.....790

Жаксылык Муратович Сабитов

ШЫҒЫС ХАН ӘСКЕРІМЕН ШЫҒЫС ДЕШТІ ҚЫПШАҚТЫ 1210-1230-ЖЫЛДАРЫ ЖАУЛАП АЛУЫ.....801

Кенжебаев Габит Капезович, Мурзаходжаев Куаныш Мадиевич

СВЕТСКИЕ И МУСУЛЬМАНСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....812

Құдайбергенова Айжамал Ибрагимқызы, Абдулина АқсұңқарТұрсынқызы

ҚАЗАҚСТАН ҚАЛАЛАРЫНДАҒЫ 1920-1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ЭТНОДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ҮДЕРІСТЕР.....827

Нұрсан Әлімбай, Болат Құдайбергенұлы Смағұлов

РЕСЕЙДІҢ ҚАЗАҚ ӨЛКЕСІН АГРАРЛЫҚ ОТАРЛАУЫНЫҢ НЕГІЗГІ СУБЪЕКТІЛЕРІ. КРЕСТЬЯНДАРДЫҢ ЖЕТЕКШІ СУБЪЕКТІГЕ АЙНАЛУЫ (XVIII – 1917).....844

Өтеубай Қожақұлы, Абусад Гафурұлы Асқар

XIX ғ. II-ЖАРТЫСЫ МЕН XX ғ. БАС КЕЗІНДЕГІ СЫРДАРІЯ ОБЛЫСЫНДАҒЫ САУДА МЕН ӨНЕРКӘСІПТІҢ ДАМУЫ.....881

Самал Сағнайқызы, Спатай Алтынбекович Сартаев, Салтанат Адыровна Нусупбаева

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РЕПРЕССИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ.....895

Сейдехан Нұрмаханұлы Әлібек, Ержан Джаркинбаевич Пазиров, Асан Үсінов

«ҮЛКЕН ТЕРРОР» ЖЫЛДАРЫ ОҢТҮСТІКТЕ ҚЫЗМЕТ АТҚАРҒАН АЛАШ ҚАЙРАТКЕРЛЕРІНІҢ ҚУҒЫНДАЛУЫ АРХИВ МАТЕРИАЛДАРЫ МЕН МЕРЗІМДІ БАСЫЛЫМ БЕТТЕРІНДЕ.....907

Тимур Әкімханұлы Әпендиев, Нұржігіт Момынбекұлы Абдуқадыров, Мадина Анатольевна Ермаханова

ГЕРМАНИЯДАҒЫ ҚАЗІРГІ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ТЕНДЕНЦИЯЛАР МЕН ПРОБЛЕМАЛАР (1991-2024 жж.).....920

Токтабай Ахмет Уалханұлы

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИРРИГАЦИОННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЖЕТЫСУ И ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ.....936

Шолпан Аширалиевна Торгаутова, Гульжан Даулетбековна Сугирбаева, Женгиз Буяр

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА В КОНЦЕ XIX в. - 1924 г.....946

Эльмира Серікбайқызы Абдукамалова, Ақмарал Ғосманқызы Ибраева, Пердехан Бекмағанбетұлы Мұсырманқұл

«РАДЛОВ АЛЬБОМЫНДАҒЫ» ҚАЗАҚ МӘДЕНИЕТІНІҢ КӨРІНІСІ: МУЗЕЙЛІК АТРИБУЦИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....965

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көшесі, 28
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
«Отан тарихы» журналының редакциясы

Сайтқа сілтеме: <https://otan.history.iie.kz>

Тел.: +7 (727) 272-46-54.

E-mail: otanhistory@gmail.com.

Журнал Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде
1998 ж. 9 наурызда тіркеліп, N 158-ж кезегіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге түсіргенде
міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.